

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТЕПНОЙ КРАЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Скопа Виталий Александрович

*Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru*

FROM THE HISTORY OF RESETTLEMENT POLICY IN THE STEPPE REGION IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURY

V. Skopa

Summary: The article discusses the features and specifics of the migration policy of the tsarist government in the steppe regions of the empire. The resettlement of peasants from the European part of Russia to the Steppe Territory was massive and, in order to prevent mass confusion and unrest, land allotment parties were created, which were engaged in land surveys in the region, and later stood at the origins of the formation of resettlement plots. On the example of the Kokchetav district of the Akmola region, the problems and difficulties that the migrant peasants had to face were identified: settling in a new place and lack of funds for farming.

Keywords: resettlement policy, Russian Empire, Steppe region, history, Akmola region.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности и специфика переселенческой политики царского правительства в степные районы империи. Переселение крестьян из Европейской части России в Степной край носило массированный характер и, чтобы не допустить массовых неразберих и беспорядков создавались землеотводные партии, которые и занимались обследованием земель в регионе, а в последствии стояли у истоков формирования переселенческих участков. На примере Кокчетавского уезда Актмолинской области выявлены проблемы и сложности, с которыми приходилось сталкиваться крестьянам-переселенцам: обустройстве на новом месте и нехватке денежных средств на ведение хозяйства.

Ключевые слова: переселенческая политика, Российская империя, Степной край, история, Актмолинская область.

Процесс переселенческой политики в конце XIX – начале XX в. способствовал оформлению новых хозяйственно-административных структур – переселенческих управлений, которые функционально были наделены многими полномочиями. Переселение в Степной край в начале XX в. представляло собой массированный поток, и чтобы не допустить массовых неразберих и беспорядков были созданы землеотводные партии, которые занимались обследованием земель в регионе, а в последствии стояли у истоков формирования переселенческих участков [1, 8, 9]. Так, из отчета переселенческой партии в Кокчетавский уезд Актмолинской области большая половина «пришлого населения – 58% принадлежала великорусскому «племени», 36% к малороссам, 5% мордвы, на все прочие национальности приходилось 1% всего числа семей – тут были и белорусы, и чувашаи, и поляки, и татары и даже 1 еврейская семья» [12]. Почти 90% этого населения составляли крестьяне, из которых большая часть – 60% бывшие государственные и 28% бывшие помещичьи [7]. К крестьянам относили и бывших казаков, которых по данной территории насчитывалось 477 семей. Фактически переселенцы были из 40 губерний, главным образом, Европейской России.

Исторически первые переселенцы в Кокчетавском уезде появились еще в 1870 году. С 1877 года началось заселение поселков, а с 1896 года и далее процесс приобретал широко масштабный характер. По прибытию

переселенцы сразу не могли устроиться и «проживали по различным поселкам, занимаясь земледелием, батрачеством или промыслами» [4]. Интересны цифры, говорящие о том, насколько осведомлены были переселенцы куда «идти, когда под влиянием суровых условий у них назревало решение переселиться» [12]. Оказывается, что большая часть семей шла «по слухам»: «прошел какой-нибудь странник, прохожий человек и вечером рассказывал заинтересованным мужикам о земельном приволье далекой Сибири, где земли – пахать не перепахать, где травы – косит не перекошить. Зерно брошено на благодарную почву, дума о переселении начинает гвоздить, не дает покою, и вот распродает мужицкое добро, и семья отправляется в далекий путь «по слухам» отыскивать какой-нибудь «Тычок» в «Кокчетавском» уезде, или город «Абаксар» [12]. Важно еще отметить и то обстоятельство, что до начала 90-х годов XIX века, переселение не только не поощрялось правительством, а напротив преследовалось, что выражалось в том, что «всякая литература, предназначенная для осведомления крестьян об условиях переселения, преследовалась» [7]. Интересен и тот факт, что из «календаря», изданного во второй половине 80-х годов XIX века была даже вырезана статья с советами крестьянам, как переселяться. Тем не менее в конце XIX – начале XX столетий данный процесс был необратим. Можно констатировать то обстоятельство, что общинники переселялись гораздо охотнее, чем подворщики: «первые составляли 67% из общего числа пе-

реселившихся семей, а вторые 33%» [12]. Но если брать не абсолютные количества, а принять во внимание, что в среднем из 50 губерний России общинники составляли около 75%, а подворщики 25% общего числа ревизских душ, получивших надел, тогда получалось, что относительно подворщики давали больший процент переселенцев, чем общинники.

Рассматривая переселенцев в отношении к землевладению на родине, возможно отметить, что почти 13,5% выпадало на безземельных и 61% на семьи, имевшие на родине не более 5 десятин надела, около 18% имевших от 5 до 10 десятин, 5% на имевших от 11 до 15 десятин, 2% на имевших от 16 до 25 десятин и только около 0,5% на семьи с наделами свыше 25 десятин на семью [7]. Очевидно то обстоятельство, что двигала переселенцев именно земельная нужда, что обеспеченные землею, по поговорке «от добра добро не ищут», только в редких случаях, как отмечалось в отчете, 5 на 1000, идут на переселение. Почти половина – 45% всех переселившихся семей по Кокчетавскому уезду, пытались на родине путем аренды земли поднять свое благополучие; около 87% их имели скот, при чем 38% имели только 1 лошадь или пару волов и 28% 2 лошади или 2 пары волов и только 5% семей имели более 5 лошадей [7]. Почти каждые 65 семей из 100 искали себе посторонних заработков вне своего хозяйства и находили их преимущественно в батрачестве и в кустарной промышленности. В результате своей хозяйственной деятельности по данным на 1896 год в рассматриваемом уезде «37 семей из 100 имели своего хлеба (вместе с арендой) на весь год, 34 семьи на 4-7 месяцев, 10 вовсе не имели своего хлеба» [2].

Интересным представляется рассмотреть процесс организации переселения. Так, распродав свое имущество, переселенцы брали с собою часть инвентаря, «из живого преимущественно лошадей – почти 62% всего числа семей, а из мертвого – телеги, которых было привезено с собою переселенцами почти по 2 на семью, затем плуги, сохи и совсем уже незначительно количество прочих сельскохозяйственных машин и орудий. Привозили переселенцы с собою и денег, хотя и немного» [7]. Так, по данным статистических отчетов 3352 семьи показали в общей сложности, что они привезли с собою и получили с родины 247 тысяч рублей, что составляло почти 75 р. на семью. К сожалению, группировки семей по размерам имевшейся у них суммы не выявлено, и в статистических таблицах даны только крайние пределы от нескольких копеек до 2 тысяч рублей на семью. Как известно, правительство с того времени, как изменило свое отношение к переселенческой политике и вместо преследования начало поощрять переселение, назначило переселенцам пособие, достигавшее 100 руб. на хозяйство. Так, Кокчетавские переселенцы получили пособие в размере почти 74 тысяч руб. на 1682 семьи, или около 45 руб. на семью. В отдельных случаях пособие колебалось от 50 коп. до 118 рублей [3, 5, 7]. Кроме

денежного пособия, переселенцам было выдано 1294 лошади для 1259 семей [7]. Фактически это все, что было у переселенцев в момент водворения их на новые места, в незнакомых условиях, среди чуждого населения, как отмечали «орды некрещеной». Несомненно, этого было слишком мало, чтобы прилично обставить свое хозяйство и вообще «устроиться в первое же время по приходу на новое место» [11]. А ведь в это время как раз и нужны были средства, и конечно это прекрасно знало правительство, которое занималось «в старину, устройством переселенцев в русских губерниях Поволжья, Новороссии и некоторых других» [7].

Прибытие переселенцев в новые места заставляло активизировать их хозяйственную деятельность и приспособляться к новым условиям жизнедеятельности, при этом стоит заметить, что на это влияли различные факторы. Так, в первый год по приходу в поселок более состоятельные люди обзаводились порядочным количеством скота, успевали сделать небольшой посев и подготовить пашню к будущему году, а главное, они в первый же год обстраивались. «И чем больший запас денег принес с собою хозяин, тем лучше он устраивался» [12]. Пособие в 100 рублей, определенное на семью на первых порах, было затем уменьшено до 35 рублей, да и то выдавалось семье не сразу. Отмечалось «...в это время наше правительство просаживало миллионы на Дальнем Востоке, подготавливая Мукден и Цусиму, и, конечно, думать о каких-то переселенцах ему было совершенно некогда. Об них вспомнили и очень хорошо вспомнили, когда надо было пополнять войска, ряды которых быстро редели и не сколько от японских пуль, сколько в следствии искусства наших боевых и интендантских чинов...» [7]. И так, цифры говорят, что «из семей, принесших до 25 рублей, только половина успевала к зиме обстроиться, поставить себе землянку, причем часть семей ютилась по 2 в одной. Скота у таких семей было не более 1 головы на 2 семьи и главным образом лошади» [12]. Сделать посев им удавалось весьма плохо. Так, 553 семьи имели всего 7 десятин посева, а к будущему году они успели приготовить всего по 1 десятины на семью. Значительно лучше было положение тех, «кто принес от 75 до 150 р. на семью» [12]. Категория данных переселенцев, основываясь на отчеты, «почти вся построилась – это 93% семей, при чем землянок было меньше, чем деревянных рубленых хат; они имели почти по 3 головы скота, из которых было почти по корове на 2 семьи; посева у них было по 1/3 десятины, а подготовили они на будущий год по 2 десятины» [7, 12]. Те, кто имел более 150 руб. «обстроились все, имели скота по 6 голов, в том числе по 1 корове, имели более 8 десятин посева, и успели приготовить по 3 десятины пашни, а те у которых было не меньше 300 руб., даже по 5 десятин» [12].

Размеры принесенной с собою суммы весьма сильно сказывались и на второй год. Так, у имевших до 25 руб. на семью, на второй год оказывалось по 5 голов скота,

у имевших 75-150 руб. по 7 голов и уже более на семью. У имевших 150-300 руб. по 12 голов, а у кого свыше 300 руб. – 16 голов и в том числе по 7 голов рабочих и по 2 коровы [7, 12]. Тоже самое было и по отношению к пашне. Так, с 25 руб. имели по 2,5 десятины посева и могли подготовить еще по 1 десятине; с 75-150 р. по 4 десятины посева и 1,5 пластов; с 150-300 руб. 6 десятин посева и по 2 десятины пластов, и те, кто имели более 300 руб., засеяли по 8 десятин и пластов подготовили по 4 десятины [7, 12]. Разница была весьма существенна. Отмечалось «эти низшие, бедные группы, убив последние гроши на переселение, бегут назад из этой многоземельной Сибири, оказавшейся для них не матушкой, а злой мачехой, особенно если еще они попали под неудачный год» [7].

Для дальнейшего благоустройства переселенцев выдавались ссуды на общепользные надобности. Данные ссуды выдавались переселенческим сельским обществам селениям и товариществам крестьян-домохозяев. Целевое предназначение средств было определено для обводнительных и осушительных сооружений: колодцы, запруды, плотины и каналы; для дорожных сооружений: дороги, гати, мосты и переправы; на постройку общественных зданий: школы, зернохранилища, волостные и сельские правления, православные церкви, христианские молитвенные дома и дома для приютов; на пожарную охрану сельских строений: пожарные машины и инструменты; на сельскохозяйственные предприятия: мельницы, кирпичные заводы; на внутринадельное межевание [10].

Желающие получить ссуду обращались с заявлением об этом к крестьянскому начальнику или соответствующему ему должностному лицу. Крестьянские начальники или соответствующие им должностные лица препровождали вышеупомянутое ходатайство, в месячный со дня подачи заявления срок, в подлежащие губернские или областные по крестьянским делам учреждения, вместе со своими заключениями. Определенные учреждения либо сами разрешали эти ходатайства или предоставляли все дело, вместе со своим заключением, на разрешение главноуправляющего землеустройством и земледелием [6]. Данная процедура проходила не всегда оперативно и часто ей были свойственны проволочки и загвоздки.

При самой выдаче ссуды сельскими обществами и селениями представлялись мирские приговоры, а товариществами крестьян-домохозяев – круговые «ручательства в принятии всех условий выдачи ссуды, окончательно поставленных по принадлежности главным управлением землеустройства и земледелия или губернским, или областным по крестьянским делам учреждениям» [6]. При этом, «в потребных случаях, отбирались подписки, в коих означались принимаемые на себя заемщиками обязательства, обеспечивающие дей-

ствительное употребление выдаваемых ссуд на общественную или общую пользу» [6]. Важно можно считать то обстоятельство, что по выданным ссудам процентов и пеней не насчитывалось. На эти ссуды не могли быть наложены никакие казенные или частные взыскания. О каждой выданной ссуде подлежащими губернскими или областными по крестьянским делам учреждениями сообщалось местной казенной палате для зачисления ссуды долгом заемщиков государственному казначейству и для наблюдения за своевременным возвратом ссуды. Возврат ссуд производится в срок не свыше десяти лет, начиная с 1 января ближайшего после получения ссуды года, срочными в равных частях ежегодными взносами [6]. Платежи, не внесенные в течение года, зачислялись на заемщиков недоимками и взыскивались в порядке, установленном для взыскания казенных сборов, под наблюдением казенных палат и подведомственных им чинов податной инспекции. В отдельных случаях государство шло на встречу переселенцам и возврат ссуды мог быть рассрочен на срок до 20 лет по постановлению губернского или областного по крестьянским делам учреждения. Во внимание к особым неблагоприятным для плательщиков обстоятельствам, губернским или областным по крестьянским делам учреждениям предоставлялось разрешить отсрочку отдельных взносов в возврат ссуды, что являлось весьма важным и значимым обстоятельством для несостоятельных обывателей.

В обеспечение правильного расходования отпускаемых ссуд губернским или областным по крестьянским делам учреждениям предоставлялось право устанавливать выдачу ссуд по частям, по мере целесообразного расходования заемщиками прежде полученных долей. На обязанность упомянутых учреждений крестьянского управления возлагалось, в случае ненадлежащего или нехозяйственного употребления части ссуды, приостанавливать дальнейший отпуск по ней денег, при этом взыскание уже выданной суммы производилось общим, предусмотренным правилами для возврата ссуд порядком [6]. Наблюдение за надлежащим употреблением ссуд возлагалось, под надзором губернаторов, на крестьянских начальников или соответствующих им должностных лиц.

В целом, в условиях процесса переселения финансовое обеспечение водворившихся и их хозяйственное устройство занимали одно из важнейших мест в общегосударственной политике колонизации, особенно это касалось национальных окраин и их дальнейшего вовлечения в орбиту имперских интересов. Сложности и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться крестьянам-переселенцам на местах водворения подталкивали центральное правительство к разрешению этих сложностей, при этом активизируя действия местных властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коншин Н.Я. Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде. Семипалатинск, 1899. – 83 с.
2. Материалы по киргизскому землепользованию собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Воронеж, 1903. Т. 7. – 573 с.
3. Носкова Ю.А. Организация статистического исследования Степных областей Казахстана экспедицией Ф.А. Щербины (1896-1903). URL: <http://archive.li/40ePn#selection-411.0-411.135> (дата обращения: 05.08.2023).
4. Переселенческая политика царского правительства и ее осуществление в восточном Казахстане (XVIII – начало XX вв.). Сборник документов в 2 частях. Часть 2. Семей, 2010. – 292 с.
5. Протоколы совещания статистиков Переселенческого управления на 1915 год. Омск, 1915. – 91 с.
6. ПСЗ. Т. 29. № 31728. Собрание узаконений. 1909. 5 мая. Отд. I. Ст. 548.
7. Сибирские вопросы. №3-4. 31 января 1908 года.
8. Скопа В.А. Исследования переселенческих поселков Обществом любителей исследования Алтай в конце XIX века: особенности организации и механизмы проведения // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 3. – С. 168-172.
9. Скопа В.А. Особенности проведения землеотводных и гидротехнических работ в переселенческих районах Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Успехи современной науки и образования. 2017. № 9. – С. 123-125.
10. Скопа В.А. Финансовое обеспечение переселенцев и их хозяйственное устройство в начале XX в. (по материалам Семипалатинской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №. 11. Ч. – С. 162-164.
11. Трегубов А.Л. По новым местам. СПб., 1913. – 154 с.
12. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф. 469. Оп. 1 Д. 110, 112.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет